

СЕМЕЙНАЯ СЛАВА — САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ ПРАЗДНИК СЕРБОВ

МАРИНА МУСТАФАЕВНА КЕРИМОВА

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая: Российская Федерация,
117334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а)

***Аннотация.** Слава, или Крсно име, — семейный праздник сербов, посвященный мифическому предку (основателю рода, семейной общины), который считается покровителем всех живых потомков и обеспечивает их благополучие. В настоящее время он отмечается каждый год в определенный день в честь святого — покровителя семьи. Основными обрядовыми действиями Славы являются разрезание и преломление дрожжевого обрядового хлеба — славского колача, поливание его вином, тосты за здоровье хозяина и всех членов семьи. Анализ обрядового ритуала праздника с его локальными различиями показывает, что большинство обрядовых действий связано с магией плодородия и повсеместно сохраняет аграрный характер.*

Отражением пережитков первобытно-общинного строя является сохранение в обрядах праздника родовой экзогамии, кровной мести, элементов культа предков. Распространение и глубокая народность Славы привели к тому, что церковь, ведущая постоянную борьбу с языческими обычаями и верованиями, вынуждена была признать этот праздник. Он принял некоторые черты обрядового ритуала православной церкви, не утратив аграрного характера. В XIX — первой половине XX в. в семейной Славе отразилось классовое расслоение в деревне в период развития в ней капиталистических отношений. Имущественное неравенство не могло не повлиять на продолжительность и размах праздника (количество гостей, разнообразие трапезы, подношения церкви и священнику).

Несмотря на то что в настоящее время первоначальный смысл семейной Славы утрачен и праздник приобрел характер развлечения, он является одним из самых любимых праздников и его можно считать символом этнической идентичности сербов.

Ключевые слова: праздник, Слава, сербы, семейный обычай, традиции.

Семейная Слава — синкретичный и полифункциональный праздник, сохранивший и по сей день множество архаических элементов. Повсеместно распространенный и наиболее почитаемый из всех сербских праздников, он справляется ежегодно в день того или иного святого. Его основная цель — прославление покровителя семьи, умиловление сил природы, испрашивание хорошего урожая. В древности праздник был посвящен

мифологическому предку — покровителю рода. В нем проявлялись черты аграрного праздника семейно-родового коллектива, в ритуале которого важное место занимали элементы культа предков. На протяжении столетий праздник претерпел значительные изменения. С принятием христианства он приобрел элементы ритуала Православной церкви.

Праздник семейной Славы имел разные названия: Крсно име, Служба, Свети,

Светац, Свечар, Благдан, — возникшие с принятием христианства. Название Слава наиболее универсально, так как глагол «славить» в переводе с сербского означает «праздновать», «торжествовать». В. С. Караджич писал, что каждый серб имеет свою Славу — день покровителя семьи [Караџић 1986, 343–344]. А русский консул И. С. Ястребов, проживший в Сербии почти 16 лет, отмечал: «Серб, хотя бы он был из самых бедных, готовится к этому дню с особенным усердием и благоговением и празднует его торжественно» [Ястребов 1889, 1].

Первое упоминание о празднике встречается в 1018 г. В дальнейшем многие летописные документы XII — XVIII вв., сохранившиеся в Сербии, Боснии, Черногории, свидетельствуют о широком распространении семейной Славы [Филиповић 1964, 51].

С XII в. Православная церковь вела борьбу с языческими обычаями и верованиями, однако не смогла его искоренить и привела в соответствие со своим верованием. Так, например, в документах церковной реформы первого сербского архиепископа Саввы (1174–1235) есть свидетельство о запрещении жертвоприношений животными в этот день, в остальном же весь обрядовый ритуал признается, хотя и христианизруется.

Интерес к изучению праздника семейной Славы объясняется устойчивостью комплекса его основных обрядовых действий, сохранившихся вплоть до наших дней, широким ареалом его распространения и большой популярностью.

Впервые народные обычаи были описаны В. Караджичем в «Сербском словаре» [Караџић 1818]. В нем он дал объяснение понятий «задруга», «племя», «братство» и представил описание праздника Славы. В дальнейшем ученый вновь обращается к нему в сборниках «Сербские народные песни» (1841) и «Жизнь и обычаи сербского народа» [Караџић 1867]. В последнем труде он приводит более подробное описание Славы без точного указания местности, где он ее наблюдал (очевидно, это область вокруг его родного села Тршич в Западной Сербии). Данное описание — первая попытка представить элементы обрядового ритуала семейной Славы, иллюстрируемого к тому же образцами народных песен.

В дальнейшем на труды В. Караджича опирались как сербские ученые (С. Новакович, С. Троянович, Ш. Кулишич, С. Зечевич), так и российские (П. А. Кулаковский, П. А. Ровинский, Л. В. Березин и др.). Российские слависты Ю. И. Венелин, В. И. Григорович, И. И. Срезневский, А. Ф. Гильфердинг, А. Н. Харузин и др., побывавшие в Сербии в XIX в., обращали внимание на необычный для них и интересный праздник [Керимова 1997; Керимова 2011]. Сербский публицист-демократ Ж. Жуевич писал об обычаях сербов, в том числе и о Славе, в российском передовом журнале «Современник» [Жуевич 1865].

В 1870–1990-е гг. появляются труды о семейной Славе, принадлежащие известным сербским ученым и писателям М. Милличевичу, М. Милоевичу, В. Врчевичу и др. В них, помимо описания праздника, уже присутствуют попытки его анализа.

В 1886 г., с основанием Сербской академии наук, этнография была поставлена на более прочный научный фундамент. Один из основателей академии, профессор Белградского университета, историк культуры С. Новакович, поставил вопрос о серьезном изучении народа и предложил основать «Сербский этнографический сборник», первой книгой которого стал труд М. Милличевича «Жизнь сербского крестьянина» [Миличићевић 1894]. В рамках академии были созданы этнографическая секция и комитет. С 1894 по 1960 г. вышло 5 выпусков «Сербского этнографического сборника» (4 серии: «Население и его происхождение», «Жизнь и обычаи народа», «Сербский фольклор» и «Исследования и материалы»). В сборнике публиковались труды И. Джуранича, Й. Эрдельяновича и др., в которых сохранился богатый материал, относящийся к празднику Славы в разных областях Сербии. Ценные данные о нем можно найти и в «Вестнике этнографического музея в Белграде» (начал выходить с 1926 г.), например: [Филиповић 1931; Костић 1966].

Интерес к празднику не угасал в XX — начале XXI в. В 1985 г. в Белграде был издан фундаментальный труд «О Крсном имену», содержащий работы известных сербских ученых. Ныне в Сербской академии наук продолжают исследования семейной Славы: появились статьи Д. Антонича, М. Прелича, Л. Раденковича,

исследующие локальные различия праздничного ритуала, анализирующие статистику празднующих Славу в Белграде в связи с гендерной структурой переселенцев [Антонић 1995; Прелић 2004; Раденковић 2013].

По поводу происхождения праздника среди этнологов, историков, археологов возникло множество различных мнений: о фракийском, древнеримском, старославянском, богомильском и исконно христианском происхождении праздника [О Крсном имену 1985, 209–512].

Ч. Трухелка, С. Банович, А. Митрович и др. объясняют происхождение Славы влиянием античных верований и ведут ее происхождение от культа домашних духов — ларов и пенатов [Трухелка 1930, 8]. М. Васич и С. Скарнич возводят праздник исключительно к культу предков, как и советский этнолог С. А. Токарев [Токарев 1965, 226]. Другие ученые связывают праздник с аграрным культом. Так, Ш. Кулишич предполагает, что первичная форма праздника была связана «с культом солнца, которое воспринималось как божественное начало, несущее добро и хороший урожай» [Кулишић и др. 1970, 175–176]. Р. Груич отмечает, что это «ритуал для живых, и он составляет главную и самую важную часть Славы» [Груић 1930, 35]. Еще одна группа ученых считает, что праздник возник лишь с принятием христианства [Караджич 1867, 67; Ровинский 1901, 209; Ястребов 1886, 2 и др.]. Правы те ученые, которые подчеркивают синкретичный, комплексный характер праздника [Прелић 2004; Раденковић 2013], включающего элементы аграрного культа и культа предков.

Обратимся к истокам праздника. Семейная Слава неразрывно связана с существованием большой (сложной, многолинейной) семьи (задруги) и малой (инокоштинь) в Сербии во второй половине XIX — начале XX в. Впервые термин «задруга» встречается в словаре В. Караджича [Караџић 1818, 26]. В 1844 г. он закрепляется сербским Гражданским кодексом, а в 1850-х гг. появляются первые описания задруги [Миличевић 1857; Утешенович 1859]. Согласно им, задруга (патриархальная семейная община) представляла собой большую семью, все члены которой были объединены родственными отношениями, коллективной собственностью

на землю и орудия труда, коллективным производством и потреблением, а также демократизмом внутреннего управления. Во главе ее стоял избранный глава — домачин (домашин), который вел хозяйственные дела, был представителем семьи перед «внешним» миром, и домачица (домашница) — обычно его жена. Она играла важную роль при выборе мужей для девушек общины и руководила домашними работами. Высшая власть в семейной общине была сосредоточена в семейном совете — собрании всех взрослых членов задруги, которое вершило суд над провинившимися членами общины, решало вопросы о значительных покупках и продажах, особенно когда дело касалось земельных владений [Энгельс 1974, 62]. Задруга стойко сохранялась у сербов на протяжении XIX в. и даже местами до середины XX в., разумеется, претерпевая существенную трансформацию. С середины XIX в. начинается процесс раздела задруг и превращения их в малые (инокосные) семьи. С начала XX в. малая семья доминирует. В этот период она, как правило, состояла из прямой восходящей линии родственников: из правнуков, внуков, сыновей, незамужних дочерей и родителей.

Одним из признаков эволюции задруги явилось отмирание выборности домачина и изменение ее состава. Если в начале XIX в. задруга могла состоять из 200 чел. (пять-шесть поколений ближайших родственников) и в среднем включала до 50–60 чел., то в начале XX в. ее численность не превышала 15–20 чел. Изменение численности больших семей было обусловлено в первую очередь интенсивным процессом их раздела. Однако и при разделах отчий дом оставался центром выделившихся семей: здесь собирались для решения общих дел и семейных праздников [Косвен 1963, 54]. Появлялся институт наследования, увеличивалась роль завещания, коллективное имущество переставало быть неотчуждаемым. После смерти отца сыновья разделяли общее имущество и землю и таким образом выделялись из задруги. Это вело к образованию инокосных семей, которые стремились закрепить свою экономическую независимость. С развитием классового общества частнособственническое начало побеждало. Однако во второй половине XIX в. и даже в начале XX в. инокосные семьи сохраняли остатки

патриархальных отношений. Сильна была деспотическая власть хозяина в решении экономических, правовых и моральных вопросов. С образованием индивидуальной собственности в задругу и инокосную семью втрпались новые правовые отношения, например, утверждалось право женщины иметь личное имущество (своина), а также право жены и дочерей наследовать имущество главы семьи [Mladenović 1973, 163–164]. Все это проявилось в характере праздника семейной Славы.

Итак, Слава — праздник покровителя семейной общины — во второй половине XIX — первой половине XX в. являл собой синкретичный комплекс обрядовых действий, наиболее развернуто и полно представленных у сербов и черногорцев — близкородственного сербам народу.

Праздник обычно длился от одного до трех дней: первый день — собственно праздник — Слава (славска крила); второй день назывался патерице, окрилье, комшиски дан, појутарице; третий — гостински дан. Началом Славы был вечер накануне — навечерје (кана, заслуга).

К празднику начинали готовиться за месяц — две недели до него: запасались продуктами, убрали дом, белили стены, стирали, готовили угощения. Основным же действием было изготовление обрядового хлеба (ко́лач) из дрожжевого пшеничного теста. Для него также выпекались (из пресного теста) подставки (погача, проја). Кроме этого готовились: просфоры (проскурица, летурђија), кутья (кољиво, жито) из разваренных зерен крупной пшеницы, вино, ладан (тамъан), восковые свечи (крсна свећа). Сельские жители старались делать свечи из воска домашних пчел. Тесто для славского колача (крсни колач, крсна чесница) замешивала самая старшая в доме женщина. В разных регионах Сербии выпекали от одного до четырех колачей. При выпечке применялась только собственная мука, ее нельзя было занимать у соседей. Колач украшали деревянной печатью (проскурник, слово), на которой было написано ИСХС НИКА («Иисус Христос Победа»), а также розами, птицами и колосьями из теста.

До полудня священник обходил все дома в селе, которые праздновали одного и того же святого, окропляя святой водой дом и хозяйственные постройки, затем хозяин нес освящать колач в церковь. Хозяин,

празднующий славу (свечар, кршњак), накануне вечером посылал младшего мальчика в семье, который брал сосуд с вином или водкой (чутуру), приглашать родственников и знакомых на обед (званице). Иногда вино и водка заменялись яблоком, айвой и обрядовым хлебом — погачицей [Ђукановић 1934, 226]. Гость в знак согласия прийти на Славу обычно выпивал немного из чутуры, а затем доливал в нее вина, чтобы сосуд всегда был полон. Если родственники или знакомые жили далеко или из-за непогоды к ним было трудно добраться, то хозяин не посылал специально их приглашать. Если же приглашенные не приходили без оправдательной причины, то это считалось оскорблением и дружба прерывалась. Часто в день Славы члены задруги или инокоштини и знакомые собирались в доме славящего Славу без приглашения, по обычаю, передававшемуся из поколения в поколение. Память о дне Славы сохранялась часто в течение 100 и более лет [Мијатовић 1907, 54].

В канун праздника, как только начинало темнеть, гости сходились на славский ужин. Хозяин встречал их с непокрытой головой у ворот или дверей дома, приветствуя каждого гостя, пожимая ему руку, целуясь с ним троекратно. Затем он вводил их в комнату и сажал каждого на отведенное ему за столом место. Рассаживались по старшинству: ближе к хозяину — наиболее старые и почетные гости (священник, кум, сельский учитель), а в противоположном конце стола — женщины и дети. Нарушением обычая и оскорблением стариков считалось, если молодые не соблюдали принятый порядок. Иногда мужчины рассаживались по старшинству с одной стороны, а женщины и девушки — с другой. Когда не хватало места за столом, то для женщин накрывали отдельный стол. В Призрене (Косово и Метохия) для женщин всегда устраивался отдельный стол [Костић 1931, 28].

У сербов Боснии существовал древний обычай: девушки и женщины не только обносили всех гостей чашей с водой для умывания рук, но и разували гостей-мужчин и мыли им ноги в знак почтения [Кулаковский 1883, 333].

После рассаживания из числа гостей избирался долибаша — председатель-тамада, который руководил обрядовой частью праздника и произносил специальные

тосты (здравицы). Его выбирали из числа наиболее находчивых, знающих народные обычаи, пользующихся авторитетом людей. В Лесковацкой Мораве (Южная Сербия) и в некоторых областях Северо-Восточной Сербии долибашей назначался первый пришедший на Славу гость. Та сторона стола, за которой сидели долибаша и хозяин, была обращена на восток. Напротив хозяина и долибаша место за столом оставалось свободным — именно здесь, по поверью, должен был сидеть почитаемый предок (святой) [Зечевић 1969, 399].

Из числа гостей назначались люди, которые должны были надрезать (секач) и преломлять (ломач) колач. В Левче и Ягодине (Центральная Сербия) их обязанности выполнял один человек — колачар. Хозяин во время трапезы стоял с непокрытой головой и угощал гостей, затем, выпив шестую рюмку водки, садился за стол по праву руку от долибаша.

Для праздника Славы обычно выпекали четыре колача: один преломлялся накануне вечером, другой преломлял священник в день Славы, третий преломлял хозяин с долибашей также в день Славы, четвертый — на окрилье, т.е. на второй день праздника. В Шумадии (Центральная Сербия) и некоторых других областях его преломляли только в первый день собственно праздника.

На стол кроме колача, куты, вина ставили в том случае, если Слава совпадала с постом, квашеную капусту, капусту с рисом, заправленную постным маслом и перцем, суп из капусты, приправленный толчеными орехами, разные блюда из фасоли, вареный картофель, рис с луком, запеченный со сметаной, слоеный пирог с орехами. В другие дни ели супы из баранины, свежей капусты с мясом, тушеную кислую капусту с копченым мясом, баранину с картофелем, голубцы с мясом, завернутые в виноградные листья, или перец, фаршированный мясом, поросенка, зажаренного на вертеле, слоеный пирог — гибаницу, сладкую рисовую кашу с медом, орехами, корицей, кислое молоко с мясом, ячменную кашу со сметаной или сливками. Из напитков кроме вина употребляли домашнюю водку, медовину, пиво, яблочный сок и кофе [Миличевић 1877, 119].

Это полный ассортимент, который мог, но не во всех случаях присутствовал в праздничной трапезе. Каждый

стремился как можно лучше принять и угостить родственников и знакомых. Праздник в среде сельского населения Сербии считался настолько важным, что даже самый бедный загодя копил деньги, чтобы достойно отпраздновать свое Крсно име; нередко праздник разорял и без того бедных крестьян. Бедные ставили на стол только печеный или маринованный перец, картофель, суп из фасоли, свежей или кислой капусты. Нередко бедные крестьяне приходили на Славу к зажиточным, чтобы прикормиться день или больше и даже отнести немного еды домой. Неимущей вдове в день чьей-либо Славы обычно приносили еду или помогали деньгами. Имущественное положение крестьянина отражалось как на трапезе, так и на протяженности празднования [Березин 1879, 488–489].

После назначения долибаша, секача и ломача хозяин брал в руки бокал с вином или водкой и приветствовал гостей: «Ево ми дошли», а гости отвечали: «Боље сте вас нашли!» (Вот вы ко мне пришли. — Мы рады вас видеть!). После этого он выпивал свой бокал и угощал по старшинству всех присутствующих. После здравицы хозяин приносил кадильницу и зажигал от нее свечу, которая должна была гореть на протяжении всего праздника. Затем он с кадилом обходил весь дом, иногда вместе с женой выходил во двор. Первый славский ужин сопровождался множеством здравиц и молитв, произносимых как хозяином, так и его гостями. Их содержание, как мы покажем ниже, было связано с испрашиванием благополучия для всей семьи.

Начиная славский ужин, хозяин просил хозяйку или младшего в семье мальчика принести колач. Стоя вместе с долибашей, они медленно три раза вращали колач вправо вокруг оси, а затем поднимали вверх. В последней трети XX в. это действие сохранялось в Северо-Восточной Сербии, но там это делал или хозяин, или долибаша [Зечевић 1969, 398]. Все присутствующие при этом должны были просить хорошего урожая и приплода скота, а также здоровья и благополучия всей семье. Затем секач (иногда его роль исполнял долибаша) брал колач и надрезал его крестообразно с нижней стороны. Хозяин вместе с ломачем (или священником) преломляли колач так, что половина

его оставалась в руках хозяина, после чего две половины вновь соединяли вместе и поливали — по надрезам — вином, которое затем выпивал хозяин, целуя при этом колач. Гости, а вслед за ними и хозяин приносили здравицы. В Шумадии существовали люди, которые произносили юмористические тосты, вызывающие смех присутствующих [Недельковић 1990, 220–221]. В Лесковацкой Мораве колач делили на четыре части и в каждую четверть втыкали вилки, приговаривая: «Чтобы колосья и снопы были хорошими», а четверть колача на следующее утро отдавали пастуху съесть перед выгоном скота [Ђорђевић 1958, 218].

В Левче и Темнице (Центральная Сербия) при преломлении колача хозяин поднимал одну половину вверх, говоря: «Пусть столь высокой будет пшеница», а вторую половину отдавал тому члену семьи, который в предстоящем году должен был начать пахоту. Здесь же сохранялся обычай поливания колача вином, при этом говорилось: «Пусть бочки с вином переполнятся через край, а дома наполнятся хлебом и здоровьем, поля принесут урожай». Хозяин после преломления колача соединял две половины и ставил его так, чтобы он был повернут в поле. Разделяя эти половины на четвертушки, он, поднимая одну четверть вверх, приговаривал: «Пусть высокими будут конопля, кукуруза и другие посевы» [Мијатовић 1907, 56]. В некоторых областях Сербии и Черногории один из славских колачей сохраняли до начала пахоты, а весной приносили на поле и преломляли на плугу, чтобы пахота и урожай удались. Другой колач ломали на четыре части, и одну из них хозяин клал в сито со словами: «Дай Бог урожайный год», а сито подбирали частое, чтобы «пшеница часто рожала» [Дебельковић 1907, 224]. Остатки обрядовых хлебов скармливали скоту с молитвой об умножении приплода и земными поклонами (метанисања).

Аграрный характер праздника выражался и в магических заклинаниях (позже молитвах), тостах и здравицах. В с. Янь (Босния и Герцеговина) гости поливали вином землю перед домом, говоря: «Цвети кућо, весели се домаћине!» (Пусть процветает дом и будет всегда веселым хозяин!) [Карановић 1933, 139]. В этом обычае проявились пережитки языческого обряда принесения жертвы земле. Первую чашу

вина на Славе гости поднимали за «орача» и «копача» (за пахаря и землекопа), тех членов семьи, которые весной первыми выходили на пашню. В. Караджич отмечал, что в славских здравицах звучали пожелания хорошего урожая, здоровья и благополучия хозяину семейства [Караџић 1867, 79]. Так, в регионе Косово Поле (Косово и Метохия) существовал обычай: гость, выпивая большую чашу вина, произносил здравицу в честь богатого урожая и приплода скота у хозяина. Гости, держа в руках вместе с бокалом вина посуду с вареной пшеницей (коливо, кутья), говорили: «Пољем пшеницу вином, и Бог людям даст здоровья, амбары, полные урожая, и много скота, мир и любовь братьям и соседям». Считалось, что за несколько дней до Славы нельзя пряхть шерсть, чтобы на поле не полегли колосья. Обрядовую пшеницу и колач ставили на шкаф, чтобы «урожаем был высоким» [Дебельковић 1907, 225]. В Тимочкой Краине (Восточная Сербия) хозяин и гости съедали несколько зерен кутьи и вытирали пальцы о потолок, приговаривая: «Пусть у хозяина пшеница растет до потолка» [Милићевић 1894, 156]. Гостям предлагали по ложке кутьи, и начиналась торжественная трапеза, длившаяся более двух часов. Интересно, что во время ужина гости обычно сидели в шапках, снимая их только во время молитвы [Жуевич 1865, 140]. В Восточной и Северо-Восточной Сербии хозяин во время ужина становился на расстеленную рубаху или кусок полотна, ставил перед собой колач и вино и делал по 40–44 поклона, целуя землю и при каждом поклоне отламывая кусок от колача. Эти куски он потом скармливал скоту. Аналогичные обычаи благословения хлеба в дохристианские времена были распространены у всех славянских народов.

Славский ужин сопровождался множеством традиционных здравиц. После четвертого тоста полагалось встать и поднять бокалы за Славу (обряд «дизања у Славу»). Наряду с преломлением колача, это действие занимало одно из основных мест в комплексе ритуальных действий. Для его исполнения хозяйка приносила в сито половину колача, ставила его на подставку из теста — погачу или прою. Колач она украшала свечой, цветами и ставила его, покрыв полотенцем, в изголовье стола. После этого она целовала руку сначала хозяину, а затем каждому гостю. В Центральной

и Восточной Сербии (Левче и Темнице) хозяйка, унося сито, ударяла им о притолоку, желая хорошего урожая. Затем хозяин снимал с колача полотенце, кадил ладаном и провозглашал три тоста (за святого покровителя семьи, за здоровье гостей, за благополучие в доме) [Милићевић 1877, 135–136]. После «дизања у Славу» присутствующие принимались за угощение, начинались разговоры и пение песен:

У чије се здравље вино пије,
Све му здраво и весело било.
Родила му се пшеница и вино,
А по кући све мушка дечица,
А по трлу се близни јагањци
И у брдо виновна лозица,
И по пољу класата пшеница.

(Пусть будет весело и хорошо жить тому,
За чье здоровье пьется вино.
Чтоб у него уродились пшеница и вино,
А в доме чтоб прибавлялись сыновья,
А в загоне множились ягнята,
И на холме созревал виноград,
И в поле зрела колосистая пшеница)
[Павловић 1926, 70].

Лишь за полночь гости начинали расходиться.

На второй день Славы (испратња, окриље, појутарица) гости вновь собирались на обед. Но каждый по возможности приносил с собой что-либо из еды. Обед переходил в ужин и длился допоздна. В этот день не было «дизања у Славу» и преломления колача. В Южной Сербии на обед собирались в основном мужчины, в Северо-Восточной, наоборот, женщины (этот день посвящался поминовению усопших предков).

В третий день Славы (гостински дан, коркин дан, руковица, сировица) гости не приходили, а семья праздновала Славу, доедая остатки пищи. Уходящий с праздника (например, в Лесковацкой Мораве) целовал хлеб и оставлял хозяину деньги со словами: «Это — Богу и твоему святому». Этими деньгами хозяин обычно расплачивался за ремонт плуга. Завершением праздника считался знак, когда хозяин звал соседа, чтобы тот ставил срубленное деревце, опирая его о стену дома, при этом косо наклонив (оппозиция прямо/косо, соответственно открыто/закрыто) [Ђорђевић 1958, 220–221].

Повсеместно кроме основной Славы праздновалась Малая Слава (Преслава) — в том случае, когда покровителем человека был святой, день которого отмечался два раза в год, например, св. Никола зимний (6 декабря) и весенний (9 мая), св. Петка (14 октября и 26 июля), св. Архангел (8 ноября и 13 июля). Преслава праздновалась только один день.

Итак, многое в празднике было направлено на увеличение урожая и приплода скота, благополучие семьи. Обрядовые хлеба (колач, погача, просфора) имели округлую форму, украшались крестом (свастикой), кругом (солнце), полумесяцем из теста. Округлая форма была связана с солярным культом. Солнце, как символ плодородия, почиталось всеми древними народами. На орнаментах и вышивках оно изображалось в виде диска, колеса, креста в круге. Крест как символ солнца был распространен у южных славян дохристианской поры [Чайкановић 1932]. С культом солнца было связано и обрядовое вращение колача с ориентацией на восток (к рсну страну) [Кулишић и др. 1977, 176]. Сам акт преломления колача сопровождался пожеланиями хорошего урожая и благополучия. Таким образом, большинство обрядовых действий семейной Славы свидетельствует о его аграрном характере, который связан с народными верованиями в могущество солнца и добрых сил, способных принести в дом благополучие и изобилие.

Поминовение усопших — неперемный элемент семейной Славы. На второй и третий день Славы женщины шли на кладбище и оставляли на могилах еду для усопших членов семьи. Хозяин нес в церковь поминальник (чутуљу) [Филиповић 1928, 57]. В Ужицкой обл. (Западная Сербия) священник перед поливанием колача вином читал молитву за упокой души умерших предков. Необходимыми атрибутами были свеча, колач, вино, кутья, ладан. Огню древние народы приносили кровные и бескровные жертвы. Свеча зажигалась накануне праздника и горела всю ночь, чтобы предку — защитнику дома — было светло. Свечи оставляли зажженными на могилах умерших родственников. Их ставили за упокой предков в церкви. Характер бескровного жертвоприношения предку имела и обрядовая пища. Так, часть колача

размещали на чердаке: издавна считалось, что чердак (потолок) — их любимое место пребывания.

Во время славской трапезы в Северо-Восточной Сербии гости дотрагиваются до края стола для установления контакта с покойным предком. С. Зечевич считает, что предок выступает как персонифицированная Слава: она приходит в гости накануне праздника (навечерје), а на третий день ее снаряжают в путь [Зечевич 1969, 405]. В первый день праздника хозяин не садится за стол, так как, по народному поверью, «Слава» сидит на его правом плече, и если он сядет, то она уйдет. Л. Нидерле считал, что поверье о предке в образе «заплечного деда» было присуще славянским народам языческой поры [Niederle 1919, 52–53].

Как отмечалось выше, на родовые пережитки в празднике Славы обращали внимание В. Караджич, М. Миличевич, С. Новакович, А. Митрович, М. Лутовац, П. А. Ровинский, П. А. Кулаковский и др. Их наблюдения проливают свет и на характер родоплеменных отношений в Сербии второй половины XIX — начала XX столетия. В. Караджич отмечал, что отдельные племена носили одно общее имя и славили одну и ту же Славу, считая себя родственниками, например, племя Белопавличей (Черногория) славило день св. Петки (*Петков дан*) 14 октября. С. Новакович в работе «Крсна имена» впервые поставил вопросы: насколько семейная Слава связана с племенем или большой семьей; как возникла Преслава; дает ли праздник возможность узнать первоначальное число и состав сербских племен и проследить их миграции, и др. [Новаковић 1900, 111]. Ученый, к сожалению, не смог разрешить эти вопросы до конца, однако показал на большом фактическом материале, что праздник семейной Славы восходит к празднику племени, занимавшему нередко одно или несколько селений. Так, племя Васоевичи славило св. Александра, Дробняци (в окрестностях Белграда) и Дробняци в Черногории славили день св. Георгия (*Ђурђев дан*). Жители сел возле Нового Пазара (Юго-Западная Сербия) славили день св. Петки, Баничане и Белопоточане (в окрестностях Белграда) праздновали день св. Николая и св. Йована. «В Сербии есть много

сел, где славят одного святого, так что не к кому пойти в гости, если не придут сами в гости из ближайших сел; известен и факт, что переселенцами являются те жители, которые этого святого не прославляют» [Там же, 114]. В большинстве же случаев переселенцы принимали новую Славу, но всё же не забывали старой и праздновали ее как Преславу. М. Лутовац считал, что празднование одно и того же святого в качестве Славы и Преславы свидетельствует о родственных связях между семьями внутри рода или племени [Лутовац 1954, 115–117].

Большой интерес представляют и случаи изменения семейной Славы в результате миграций населения. Й. Эрдельянович приводит примеры, когда задруги, входящие в состав племени, принимали Славу сильнейшего из них, чтобы скрепить единство, необходимое для защиты от внешних врагов [Ердельяновић 1909, 295]. Например, племя Кучи (Черногория) отмечало в качестве Преславы день св. Степана (*Шчепана*) — день победы над турками в 1688 г., и этот праздник праздновало целое племя. Бывают случаи перемены Славы, обусловленные стремлением к единству. Например, в области Колашин (Черногория) большая часть жителей праздновала день св. Петки (*Петков дан*). Переселенцы обычно принимали Славу колашинцев, желая жить с ними в дружбе с целью обороны от внешних врагов. Интересны материалы А. Митровича. Он, например, приводит списки больших и малых семей по отдельным селам в Которском заливе (*Бока Которска*, Черногория), которые праздновали одну и ту же Славу [Митровић 1912, 395].

Выражением единства большой семьи, отчетливо отразившимся в устойчивости праздника семейной Славы, было и то, что «члены задруги, непременно связанные близким родством, конечно, празднуют ту же Славу, что и задруга. Если член задруги по каким-либо причинам переселялся в другое место, не выделившись из задруги, он не имел права в своем новом местожительстве ни печь особого славского колача, ни готовить кутью, хотя мог принимать и угощать друзей и знакомых в день своей Славы. В задруге, из которой он ушел, приготавливали на его долю обрядовый хлеб, кутью, предполагая, что он вернется в свою семью. Праздновать свою

Славу в полном смысле, то есть с соблюдением всего комплекса славских обычаев и обрядов, может лишь тот, кто совершенно выделился из задруги» [Кулаковский 1883, 350].

Были и случаи изменения Славы, отражающие начавшийся распад большой семьи. Изменял свою Славу член задруги, ухोдивший в семью жены (домазет). Свою прежнюю Славу он при этом не забывал, сохраняя ее как Преславу. Однако такие случаи были редкими, обычно происходило наоборот. Наследник обязан был праздновать Славу семьи того, чье имущество он наследовал, а старую Славу — как Преславу. П. Влахович отметил сохранение этого обычая в Северо-Восточной и Восточной Сербии до конца XX в. [Vlahović 1968, 127]. Усыновленный должен был принять Славу новой семьи. Вдова или замужняя женщина, как правило, праздновала Славу своего мужа, хотя иногда ей разрешалось праздновать Славу задруги, из которой она пришла, — в том случае, если она унаследовала все имущество своего отца. Здесь мы имеем дело, с одной стороны, с сохранением пережитков патриархата, а с другой — с проявлением тенденции распада большой семьи, когда происходил раздел имущества.

Родовые пережитки в празднике семейной Славы выражались также в сохранении экзогамии. В начале XX в., когда распались родоплеменные связи, в народном сознании празднование одной и той же Славы даже неродственными семьями, не связанными общностью территории, оставалось признанием родственных отношений. Доказательством служит брачная экзогамия: еще в начале XX в. никто не брал в жены девушку из того рода, который имел одну и ту же Славу с родом жениха. С. А. Токарев, посетивший Черногорию в 1946 г., отметил сохранение там этого обычая [Токарев 1946, 208]. Такое явление повсеместно наблюдалось в XIX в. и кое-где в XX в.

Итак, во многих регионах Сербии считалось, что люди, празднующие одну и ту же Славу, являются родственниками. Тем не менее ученые уже в конце XIX — начале XX в. заметили, что это необязательно. Так, П. А. Ровинский писал, что в Черногории племена Одриничей, Васоевичей и др. праздновали день св. Михаила Архангела (Аранђелов дан), считая себя

родственниками и приветствуя друг друга словами: «*O, moj rođe!*» (О, мой родич!) [Ровинский 1901, 209]. Однако автор, как и другие ученые (М. Миличевич, С. Новакович), сомневался в этом, наблюдая изменение характера родоплеменных отношений в XIX в. Действительно, род и племя у черногорцев и сербов в XIX — начале XX в. уже не представляли собой первоначальной однородности. Наряду с племенем, состоящим из родственных групп общего происхождения, возникают и племена, которые состоят из союза неродственных групп, но объединенных общностью территории. Переселенцы, принимая Славу сильнейшего племени, как бы искусственно поддерживали племенное единство. Это отразилось и на устойчивости праздника семейной Славы даже в период распада родоплеменных отношений, когда задруги и инокосные семьи в классовом обществе сохраняли ту Славу, которую несколько сот лет назад праздновал их род, племя.

Древний характер праздника семейной Славы подтверждается и сохранением обычая кровной мести. Опасавшийся кровной мести спасался тем, что менял место жительства, меняя одновременно и день своей Славы, хотя свою старую Славу он не забывал — посещал церковь, молился, кадил ладаном дом (кађење). Перемной Славы он как бы формально становился чужим своему роду и с его рода снималась ответственность за совершенное им преступление.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в празднике Славы в XIX — начале XX столетия наглядно отразились пережитки родоплеменного устройства и эволюция общественных и семейных отношений. Случаи изменения Славы, сохранявшиеся во второй половине XIX — первой трети XX в., были связаны с брачной экзогамией, кровной местью, имущественно-наследственными отношениями внутри большой семьи и тенденцией к ее разделу.

Все это опровергает точку зрения тех ученых, которые связывали праздник семейной Славы только с временем принятия славянами христианства. Этот праздник представлял собой комплекс обрядовых действий, направленных на прославление покровителя семьи (с принятием христианства — святого).

Центральное обрядовое действие — преломление славского колача, связано с магией плодородия, что подтверждает его аграрный характер. Многие элементы обрядовых действий указывают и на поминальный характер праздника. О древнем характере Славы свидетельствует сохранение в его ритуалах родовой экзогамии и кровной мести. Распространение и глубокая народность праздника привели к тому, что Церковь, несмотря на постоянную борьбу с языческими обычаями и верованиями, была вынуждена признать Славу. Праздник, передаваемый из поколения в поколение, на протяжении столетий был силой, объединявшей народ в борьбе с внешним врагом. Все эти факторы обусловили его необыкновенную устойчивость.

С распадом Югославии во вновь образовавшихся независимых государствах традиционная культура начинает выполнять функции символов новой идентичности (поиск «себя», своей «исконной» культуры, отказ от ценностей социалистической модели и т.п.), что выражается в невероятном всплеске интереса к народной культуре и региональным традициям. В настоящее время этот самый любимый сербский праздник не претерпел существенной трансформации. Его празднование длится от одного до трех дней, но чаще два дня. С 2001 г. законодательно разрешено получать один день отпуска в году для празднования семейной Славы. Как и в прошлом, сегодня существуют региональные и локальные отличия в ритуале, а комплекс обрядовых действий зависит от принадлежности славящего к той или иной прослойке общества. В сельской местности воцерковленные люди стараются строго соблюдать все атрибуты праздника, у атеистов же он превратился просто в развлечение, дань традиции, повод для общения с родственниками и друзьями. Лишь только треть населения Сербии этот праздник не празднует вовсе.

В общем процессе ретрадиционализации сербского общества с 1991 г. наметилось оживление народных традиций, и в частности празднования семейной Славы. Утром в день праздника глава семьи несет в церковь для освящения колач, пшеницу (жито) и вино. Маленькую свечу он покупает в церкви, зажигает ее и втыкает в жито. Каждый пришедший ставит колач на общий стол, священник читает молитву, кадит и освящает все принесенные обрядовые хлеба. Он переходит от одного хозяина к другому и с каждым вращает колач, затем разрезает его, поливает вином колач и жито. Маленькую свечку хозяин оставляет в церкви в честь Славы своего святого покровителя. Большую свечу он приносит домой, кадит дом и членов семьи, зажигает ее и не гасит до конца дня. Затем приходят гости, поздравляют со Славой и дарят подарки. Хозяин дает им по ложечке пшеницы и угощает славским колачем. И в селе, и в городе обряд происходит аналогичным образом. Славский колач теперь можно купить в супермаркете, но священники выступают против такой инновации, поскольку в этом случае колач может изготовить и не христианин, а очень важно, чтобы он замешивался на освященной воде. В период между 1990 и 2000 гг. в Сербии богатые люди праздновали Славу в ресторанах, пригласив большое количество гостей. Это критиковалось в СМИ и сейчас уже практически исчезло.

Итак, несмотря на то что аналогичные элементы некоторых обрядовых действий существуют у разных народов (румын, болгар, хорватов, албанцев), праздник семейной Славы у сербов, в том виде, в котором он бытовал и бытует в настоящее время, без сомнения, можно считать символом национальной идентичности народа. В ноябре 2014 г. ЮНЕСКО признало его культурным достоянием Сербии и внесло в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества.

Литература

Антонић 1995 — Антонић Д. Колико Срба у Београду слави Славу // Гласник етнографског института Српске академије наука и уметности. 1995. С. 207–220.

Березин 1879 — Березин Л. В. Хорватия, Славония, Далмация, Военная Граница. СПб., 1879. Т. II.

Дебельковић 1907 — Дебельковић Д. Обичаји српског народа на Косову Пољу // СЕЗ. 1907. VII. С. 222–239.

Ђорђевић 1958 — Ђорђевић Д. Живот и обичаје народни у Лесковачкој Морави // СЕЗ. 1958. LXX. С. 212–221.

Ђукановић 1934 — Ђукановић Ил. Н. Обичаји о слави и Божићу // СЕЗ. 1934. I. С. 216–227.

Ердељановић 1909 — *Ердељановић Ј.* Кучи. Племе у Црној Гори // СЕЗ. 1907. VIII. С. 295–303.

Жуевич 1865 — *Жуевич Ж.* Сербское село // Современник. 1865. № 5. С. 130–152.

Зечевић 1969 — *Зечевић С.* Празник (Слава) у североисточној Србији // Гласник етнографског музеја. 1969. № 31–32. С. 399–405.

Карановић 1933 — *Карановић М.* Јањ и слављење крсног имена у њему // Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговини. 1933. Књ. 45. Св. 2. С. 139–148.

Караџић 1818 — *Караџић В.* Српски рјечник иступачен њемачкијем и латинскијем рјечима. У Бечу, 1818.

Караџић 1867 — *Караџић В.* Живот и обичаји народа српскога. Беч: У наклади Ане удове В. С. Караџића, 1867.

Караџић 1986 — *Караџић В. С.* Српски рјечник / Сабрана дела В. Караџића. Београд, 1986. Књ. 2.

Керимова 1997 — *Керимова М. М.* Југославјанские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997.

Керимова 2011 — *Керимова М. М.* Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузинных. Из истории российской этнографии (1880–1930). М., 2011.

Костић 1931 — *Костић П.* Светога — крсно име — слава у Призрену // Гласник етнографског музеја у Београду. 1931. VI. С. 28–35.

Косвен 1963 — *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.

Кулаковский 1883 — *Кулаковский П. А.* Праздник Слава у сербов // Русский вестник. 1883. Т. 167. № 9. С. 329–356.

Кулишић и др. 1970 — *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Српски Митолошки речник. Београд, 1970.

Лутовац 1954 — *Лутовац М.* Ибарски Колашин // СЕЗ. 1954. LXVII. С. 115–117.

Мијатовић 1907 — *Мијатовић Ст. М.* Обичаји српског народа из Левча и Темнича // СЕЗ. 1907. VII. С. 51–72.

Милићевић 1894 — *Милићевић М.* Живот Срба сељака // СЕЗ. 1894. I. С. 149–159.

Милићевић 1857 — *Милићевић М.* Преглед задружног стања срба сељака // Гласник Друштва српске словесности. 1857. IX. С. 145–162.

Милићевић 1877 — *Милићевић М.* Славе у Срба // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1877. I. С. 89–150.

Митровић 1912 — *Митровић А.* Крсно име није ни патаренског, ни српског, ни православног порекла // Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговини. 1912. XXIV. Св. I. С. 391–396.

Недељковић 1990 — *Недељковић М.* Годишњи обичаји у Срба. Београд, 1990.

Новаковић 1900 — *Новаковић С.* Крсна имена // Караџић. 1900. № 6–7. С. 103–114.

О Крсном имену 1985 — О Крсном имену. Београд, 1985.

Павловић 1926 — *Павловић У.* Стари живот и обичаји народни у Јужној Србији по народним песмама. Београд, 1926.

Прелић 2004 — *Прелић М.* Крсно име (Крсна Слава) код срба у Будимпешти и околини у функцији одржавања етничког идентитета // Гласник Етнографског института Српске академије наука и уметности. 2004. LI. С. 109–115.

Раденковић 2013 — *Раденковић Љ.* «Слава» — породични празник Срба // Зборник Матице Српске за славистику. Нови Сад, 2013. № 84. С. 9–23.

Ровинский 1901 — *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1901. Т. II. Ч. 2.

Токарев 1946 — *Токарев С. А.* Этнографические наблюдения в балканских странах // Советская этнография. 1946. № 2. С. 200–210.

Токарев 1965 — *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М., 1965.

Трухелка 1930 — *Трухелка Ђ.* Ларизам и крсна слава // Гласник скопског научног друштва. 1930. VII–VIII. С. 1–35.

Утешенович 1859 — *Утешенович С.* Семейная община южных славян // Русская беседа. 1859. Кн. 4. С. 1–32.

Филиповић 1928 — *Филиповић М.* Височка Нахија // СЕЗ. 1928. XLIII.

Филиповић 1931 — *Филиповић М.* Породична Слава и сличне Славе у Тетову // Гласник етнографског музеја у Београду. 1931. Књ. VI. С. 16–26.

Филиповић 1964 — *Филиповић М.* Студије о Слави, Служби или Крсном имену // Зборник за друштвене науке Матице Српске. Нови Сад, 1964. 38. С. 51–77.

Чајкановић 1932 — *Чајкановић В.* Неколике опште појаве у старој српској религији // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1932. XLI. С. 167–228.

Энгельс 1974 — *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1974.

Јстребов 1889 — *Јстребов И. С.* Обычаи и песни турецких сербов. СПб., 1889. 2-е изд.

Vlahović 1968 — *Vlahović P.* Prilog proučavanju krsne slave // Slovenski etnograf. 1968. XX. 1968. S. 120–128.

Mladenović 1973 — *Mladenović M.* Uvod u sociologiju porodice. Beograd, 1973.

Niederle 1919 — *Niederle L.* Slovenské Starožitnosti. Praha, 1919. Dil. III.

Сокращения

СЕЗ — Српски етнографски зборник (Београд)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 117334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (495)954-93-43, e-mail: mkerimova@yandex.ru

“SLAVA” OF THE KINDRED — THE FAVORITE HOLIDAY OF THE SERBIANS

MARIAM KERIMOVA

(Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay, Russian Academy of Sciences: 32a, Leninskiy av., Moscow, 117334, Russian Federation)

Summary. “Slava” [literally “Glory, Glorification”], otherwise “Krsno ime” [literally “Christian Name”] is a family Serb festival, dedicated to each kindred’s mythical ancestor, considered as a protector of all his living descendents and their property. Nowadays “Slava” is celebrated annually on certain days in honor of definite Orthodox Saints — each of them is a patron of the given family. Cutting and breaking of “kólach” (round yeast bread), sprinkling of wine over it, followed with wassail toasts to health of the host and all family members and relatives, are main ritual actions of the current celebration.

Analysis of the ceremonialism of “Slava” in its local diversity proves that the majority of ritual actions dates back to fertility magic and retains economic meaning everywhere. The ritual reflects ancient remnants and traces of exogamy, vendetta and the cult of ancestors. The widespread appearance and deep rootedness in the Serbian national identity, typical of “Slava” celebrations, forced the Church to admit and approve this festival formerly, despite struggling against pagan customs and believes. Celebration of “Slava” obtained some features of Orthodox ceremonial rituals under influence of Christianity, but didn’t lose own inherent agricultural character. During the 19th — the first half of the 20th century, celebration of Slava within family and kindred circle was affected by class stratification of the rural environment. Property inequality affected on duration and scope of the festival affordable for families. Despite dissolve of the original meaning of the “Slava” feast, whereas it has acquired entertainment features, it remains the most favorite holiday among the Serbs, moreover, a key symbol of the Serbian ethnic identity, and a key item of the national intangible heritage.

Key words: holiday, Slava, Serbs, family custom, patron saint day, traditions.

References

Antonich D. (1995) Koliko Srba u Beogradu slavi Slavu [How Many Serbs Celebrate “Slava” in Belgrad?]. *Glasnik etnografskog instituta Srpske akademije nauka i umetnosti* [Bulletin of the Ethnographic Institute of the Serbian Academy of Sciences and Arts]. Belgrade. 1995. Pp. 207–220. In Serbian.

Berezin L. V. (1879) Khorvatiya, Slavoniya, Dalmatiya, Voennaya Granitsa [Croatia, Slavonia, Dalmatia, Military Frontier]. St. Petersburg. Vol. 2. In Russian.

Chajkanovich V. (1932) Nekolike opshte pojave u staroj srpskoj religiji [Some General Phenomena in Old Serbian Religion]. *Godishn’itsa Nikole Chupicha* [Jubilee of Nikola Chupich]. Belgrade. 1932. Vol. XLI. Pp. 167–228. In Serbian.

Debel’kovich D. (1907) Obichaji srpskog naroda na Kosovu Pol’u [Customs of the Serbian

Nation at the Kosovo Field]. *SEZ* [Serbian Ethnographic Miscellanea]. Belgrade. 1907. No. VII. Pp. 222–239. In Serbian.

Dzhordzhevich D. (1958) Zhivot i obichaje narodni u Leskovachkoj Moravi [Life and Folk Customs at Leskovac Morava]. *SEZ* [Serbian Ethnographic Miscellanea]. Belgrade. 1958. No. LXX. Pp. 212–221. In Serbian.

Dzhukanovich II. N. (1934) Obichaji o slavi i Bozhichu [Customs of “Slava” and Christmas]. *SEZ* [Serbian Ethnographic Miscellanea]. Belgrade. 1934. No. L. Pp. 216–227. In Serbian.

Engel’s F. (1974) Proiskhozhenie sem’i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva [Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow. In Russian.

Erdel’anovich J. (1909) Kuchi. Pleme u Tsrnoj Gori [Kuchi. The Tribe at Montenegro]. *SEZ* [Serbian Ethnographic Miscellanea]. Belgrade. 1909. No. VIII. Pp. 295–303. In Serbian.

Filipovich M. (1928) Visochka Nakhija [Visoko the Town and its Vicinity]. *SEZ* [Serbian Ethnographic Miscellanea]. Belgrade. 1928. Vol. XLIII. In Serbian.

Filipovich M. (1931) Porodichna Slava i slične Slave u Tetovu [Family "Slava" and Similar Holidays in Tetovo]. *Glasnik etnografskog muzeja u Beogradu* [Bulletin of the Ethnographic Museum in Belgrade]. Belgrade. 1931. Vol. VI. Pp. 16–26. In Serbian.

Filipovich M. (1964) Studije o Slavi, Sluzhbi ili Krsnom imenu [Studies on "Slava", "Sluzhba" or "Krsno Imya"]. *Zbornik za drushtvene nauke Matitse Srpske* [Sociology Studies Miscellanea of "Matitsa Srpska"]. Novi Sad. Vol. 38. Pp. 51–77. In Serbian.

Yastrebov I. S. (1889) Obychai i pesni turetskikh serbov [Customs and Songs of the Serbians of Turkey]. St. Petersburg. 2nd ed. In Russian.

Karadzhih V. (1818) Srpski rječnik istumachen nemachkijem i latinskijem rječima [Serbian Dictionary with German and Latin Translations]. Wien. In Serbian and German.

Karadzhih V. (1867) Zhivot i obichaji naroda srpskoga [Life and Customs of the Serbian People]. U nakladi Ane udove V. S. Karadzhiha [Ed. by V. Karadzhih's Widow Anna]. Wien. In Serbian.

Karadzhih V. (1886) Srpski rječnik [Serbian Dictionary]. *Sabrana dela V. Karadzhiha* [Collected Works]. Belgrade. Vol. 2. In Serbian.

Karanovich M. (1933) Jan' i slavne krsnog imena v nem [Glorification of Christian Name at Jani]. *Glasnik zemal'skog muzeja u Bosnii i Hertsegovini* [Bulletin of the Regional Museum of Bosnia and Herzegovina]. 1933. No. 45. Vol. 2. Pp. 139–148. In Serbian.

Kerimova M. M. (1997) Yugoslavianskie narody i Rossiya. Etnograficheskie syuzhety v russkikh publikatsiyakh i dokumentakh pervoy poloviny XX v. [South Slavic People and Russia. Ethnographic Subjects in Russian Publications and Documents of the 1st Half of the 19th Century]. Moscow. In Russian.

Kerimova M. M. (2011) Zhizn', otdannaya nauke. Sem'ya etnografov Kharuzinykh. Iz istorii rossiyskoy etnografii (1880–1930) [Life Devoted to Science. Kharuzin Family as Ethnographers. From the History of Russian Ethnography (1880–1930)]. Moscow. In Russian.

Kostich P. (1931). Svetoga — krsno ime — slava u Prizrenu ["Svetoga" — "krsno ime" — "Slava" at Prizren]. *Glasnik etnografskog muzeja u Beogradu* [Bulletin of the Ethnographic Museum in Belgrade]. 1931. Vol. VI. Pp. 28–35. In Serbian.

Kosven M. O. (1963) Semeynaya obshchina i patronimiya [Family Fraternity and Patronymic Organization]. Moscow. In Russian.

Kulakovskiy P. A. (1883) Prazdnik Slava u serbov ["Slava" the Holiday among Serbians]. *Russkiy vestnik* [Russian Herald]. 1883. Vol. 167. No. 9. Pp. 329–356. In Russian.

Kulishich Sh., Petrovich P., Pantelich N. (1970) Srpski Mitoloshki rechnik [Serbian Mythological Dictionary]. Belgrade. In Serbian.

Lutovats M. (1954) Ibarski Kolashin [Ibarskiy Kolashin, Serbian District in the Northern Kosovo]. *SEZ* [Serbian Ethnographic Miscellanea]. Belgrade. 1954. No. LXVII. Pp. 115–117. In Serbian.

Midzhatovich St. M. (1907). Obichaji srpskog naroda iz Levcha i Temnicha [Customs of Serbian People from Levche and Temnich]. *SEZ* [Serbian Ethnographic Miscellanea]. Belgrade. 1907. No. VII. Pp. 51–72. In Serbian.

Milichevich M. (1857) Pregled zadruznog stan'a srba sel'ak [Review upon Kindred Structure among Serbian Peasants]. *Glasnik Drushtva srpske slovesnosti* [Bulletin of the Serbian Literature Society]. Belgrade. 1857. Vol. IX. Pp. 145–162. In Serbian.

Milichevich M. (1877) Slave u Srba ["Slava" of the Serbians]. *Godishn'itsa Nikole Chupicha* [Jubilee of Nikola Chupich]. Belgrade. Vol. I. Pp. 89–150. In Serbian.

Milichevich M. (1894) Zhivot Srba sel'aka [Life of Serbian Peasants]. *SEZ* [Serbian Ethnographic Miscellanea]. Belgrade. 1894. No. I. Pp. 149–159. In Serbian.

Mitrovich A. (1912) Krsno ime nije ni patarenskog, ni srpskog, ni pravoslavnog porekla [Origin of the Holiday "Krsno ime" is neither "Pataren" (Gnostic-Schism, nor Serbian, nor Orthodox). *Glasnik zemal'skog muzeja u Bosnii i Hertsegovini* [Bulletin of the Regional Museum of Bosnia and Herzegovina]. 1912. No. XXIV. Vol. I. Pp. 391–396. In Serbian.

Mladenovich M. (1973) Uvod u sociologiju porodice [Introduction to the Family Sociology]. Belgrade. In Serbian.

Nedel'kovich M. (1990) Godishn'i obichaji u Srba [Annual Customs among Serbians]. Belgrade. In Serbian.

Niederle L. (1919) Slovanske Starozhitnosti [Slavic Antiquities]. Vol. III. Prague. In Czech.

Novakovich S. (1900) Krsna imena [About "Krsno Ime"]. "Karadzhih". Belgrade. 1900. No. 6–7. Pp. 103–114. In Serbian.

O Krsnom imenu (1985) [About "Krsno Ime"]. Belgrade. In Serbian.

Pavlovich U. (1926) Stari zhivot i obichaji narodni u Juzhnoj Crbiji po narodnim pesmama [Old Life and Folk Customs in the Southern Serbia according to Folk Songs]. Belgrade. In Serbian.

Prelich M. (2004) Krsno ime (Krsna Slava) kod srba u Budimpeshti i okolini u funktsiji odrzhavan'a etnichkog identiteta [Christian Name (Christian "Slava") among the Serbians at Budapest and its Vicinity and its Functioning as a Marker of Ethnic Identity]. *Glasnik etnografskog instituta Srpske akademije nauka i umetnosti* [Bulletin of the Ethnographic Institute of the Serbian Academy of Sciences and Arts]. Belgrade. 2004. Vol. LII. Pp. 109–115. In Serbian.

Radenkovich L. (2013) «Slava» — porodichni praznik Srba ["Slava" as a Family Holiday of Ser-

bians]. *Zbornik za slavistiku Matitse Srpske* [Slavic Studies Miscellanea of Matitsa Srpska]. Novi Sad. 2013. No. 84. Pp. 9–23. In Serbian.

Rovinskiy P. (1901) Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem [Montenegro in its Past and Present]. St. Petersburg. 1901. Vol. II. Part 2. In Russian.

Tokarev S. A. (1946) Etnograficheskie nablyudeniya v balkanskikh stranakh [Ethnographic Observations in the Countries of the Balkans]. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography]. Moscow. 1946. No. 2. Pp. 200–210. In Russian.

Tokarev S. A. (1965) *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of the Peoples of the World]. Moscow. In Russian.

Trukhelka Dzh. (1930) Larizam i krsna slava [Larizam and “Krsna Slava”]. *Glasnik skopskog nauchnog drushtva* [Bulletin of the Skoplje Scholarly Society]. Vol. 7–8. Pp. 1–35. In Macedonian.

Utshenovich S. (1859) *Semeynaya obshchina yuzhnykh slavyan* [Family Fraternity among Southern Slavs]. *Russkaya beseda* [The Russian Conversation]. 1859. Book 4. Pp. 1–32. In Russian.

Vlahovitch P. (1968) Prilog proučavanju krsne slave [Contribution to the Studies of “Krsna Slava”]. *Slovenski etnograf* [Slovenian Ethnographer]. 1968. No. XX. Pp. 120–128. In Slovenian.

Zhuevich Zh. (1865). *Serbskoe selo* [Serbian Village]. *Sovremennik* [The Contemporary]. St. Petersburg. 1865. No. 5. Pp. 130–152. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: mkerimova@yandex.ru

Tel.: +7 (495) 954-93-43

32a, Leninskiy av., Moscow, 117334, Russian Federation

Full Professor (History), leading researcher, Center of European and American Studies, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay, Russian Academy of Sciences
